

После поединка

Ветер Перемен

Джагатай хаан собирал всех вождей и их советников на очередной совет. Исход поединка накладывал на шакалов определенные ограничения, и претенденту в Великие Ханы нужно было успокоить шакалов и убедиться, что их поддержка ему все равно гарантирована. В то же время он не мог игнорировать лис, особенно после того, как за одну из них вступился приезжий принц аж с самого Непала. Джагатай мало что знал о Кобрах, интересы монгольских кланов с ними никогда не пересекались, но ему было достаточно одного единственного представителя этого клана, чтобы понять, чего они стоят.

Алтан вел себя тише воды и ниже травы, но во всеобщей суматохе он первым заметил, что Садхир-гуай удаляется к гэру, куда Алтан чуть раньше отнес его вещи и отвел коня. мальчишка бросился следом, но был остановлен отцом, который велел позаботиться о госте и отправил вместе с ним эме, которая шла медленно, всю дорогу причитая, охая и переживая за принца. Яшви куда-то пропала - только что Алтан видел ее рядом с собой, цепляясь за ее руку, а потом раз - ее и след остыл. Наверное, она пошла на совет вместе с остальными, подумалось мальчишке.

- Садхир-гуай, - позвал мальчик, пока эме снова принялась хлопотать вокруг, больше причитая о том, что эти поединки - наследие варварских обычаев. - Садхир-гуай, надо встать, нельзя на полу, холодно! Вот эме шкуры постелит и одеяло найдет.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн отключился, и пришёл в себя только когда услышал голоса в гэре. Он быстро вспомнил, где находился, потому что стоило вздохнуть глубже, как ребра и плечо напомнили о себе резкой болью. Сонгцэн открыл глаза и поморщился - боль в голове тоже никуда не делась. Рядом был Алтан, а чуть поодаль Сонгцэн заметил Эме.

- Сейчас встану, - сказал он. - Где Яшви?

Сонгцэн надеялся, что она теперь в безопасности, и что шакалы не будут мстить после поединка, который прошёл по всем правилам. Не хотелось обсуждать с Яшви то, что позволил себе шакал. Что бы там ни было, он за это заплатил.

Сонгцэн попытался встать на ноги, но его повело, и он снова оказался на полу гэра. Сейчас было неловко перед семьей Яшви, которую он воспринимал уже как свою, за это состояние. Будто где-то рядом стояла мать и недовольно смотрела. Хотя Сонгцэн по-прежнему считал, что у него не было выбора.

Ветер Перемен

Эме торопливо готовила для гостя нехитрую постель - сверху на длинный плоский сундук кинуть толстый матрас, накрыть шкурами и чистой простыней, да найти шерстяное одеяло с подушкой. Ту кровать, что раньше Яшви занимала, сейчас была

Номинжин с младенцем, а Яшви ставила отдельный гэр, неподалеку, сказала, так надо, если вдруг принц приедет. Шаманы всегда отдельно жили. Но эме не стала бы выгонять Сонгцэна даже стой он более уверенно на своих ногах, не говоря уж о том, что сейчас нужно было о нем позаботиться.

- Не знаю, - ответил Алтан. - Была рядом, а потом пропала. Великий Хан совет собирает, может, там, со всеми остальными.

Мальчишка заметил, что принцу не так-то просто подняться. Алтану ни разу не приходилось выступать на поединке, ему даже оружие нельзя было в руках держать без присмотра Оронара, который занимался со всеми мальчиками, но сегодня Алтан понял, что мало держать в руках оружие. Нужно уметь им пользоваться. Нужно найти в себе смелость им пользоваться. А не сбегать позорно от страха за свою жизнь. Он снова почувствовал, как горят от смущения щеки и шея.

- Давайте я помогу, я смогу, правда, - горячо заверил он принца, простодушно протягивая ему руку. Несмотря на то, что он был довольно тощим, он был жилистым.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сейчас в руководстве лис все было сложно: если раньше главной была Алахчит, сейчас кочевники объединялись между собой, ещё и затеяли этот альянс с шакалами, и у Яшви было меньше свободы, чем прежде.

Сонгцэн взял Алтана за руку, затем оперся на его плечо. Мальчишка был слабым - худощавый ребёнок, которому нужно было года три, чтобы стать похожим на мужчину. Он пытался казаться старше, Сонгцэн отлично его понимал, но сейчас было время, чтобы обрести не только силу, но и ум.

- Пойдём, - сказал Сонгцэн, стараясь не наваливаться на мальчишку всем весом, но держался он с трудом, и без этой помощи не добрался бы до постели, которую уже успела устроить эме. - Спасибо, Алтан.

Сонгцэн опустился на постель и постарался лечь так, чтобы меньше чувствовать плечо и ребра. Он сейчас не мог работать с энергией, чтобы справиться с болью, которую придётся какое-то время терпеть.

Яшви Садхир

На этот раз Яшви следила за ходом поединка, спрятавшись в толпе, рядом с Алтаном, и не то она цеплялась за него, как за спасительную соломинку, не то он, наоборот, не желал ее никуда отпускать. Каждый пропущенный удар, каждая ошибка Сонгцэна отзывалась в ней резким болезненным уколом, после которого еще надолго оставалось неприятное, стонущее нытье. Ей было страшно, что этот поединок станет для него последним. Души толпились вокруг, окружая ее плотным коконом из призрачного шепота, лезли поближе, жались, ждали смерть. Им было все равно, кто сегодня умрет.

Но когда тело шакала упало в пыль, а Сонгцэн после речи Алахчит направился прочь, Яшви малодушно сбежала, боясь, что он захочет с ней сейчас поговорить. Она не считала себя виноватой, она сделала то, что должна была, чтобы спасти

брата, но, как бы Яшви не убеждала себя в том, что сможет быть самостоятельной, она боялась потерять Сонгцэна. Боялась даже сильнее, чем в тот день, когда бушевала лютая гроза, кони оскальзывались в грязи, а ее рука натягивала лук до предела. Она переждала всеобщую суматоху в гэре лекаря, придумав оправдание, что готовит для принца отвар сонных трав. На самом деле Яшви просто пряталась, надеясь, что запах пустырника, солодки, валерианы и мяты с хмелем придадут ей сил.

Лишь только когда Чалуун в третий раз спросил, почему она все еще сидит здесь, Яшви набралась смелости вернуться в гэр Их-Чэрэна. В руках у нее была большая глубокая плошка с отваром.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн прикрыл глаза. Он вспоминал, что происходило во время поединка. Он ухитрился найти лазейку, понимая, что шакал был намного сильнее и опытнее. Самому Сонгцэну не хватало сил, он был намного слабее в магии Огня, чем смел считать, и его спасло только то, что противник с самого начала не видел в нем опасного соперника. Иначе похоронил бы на месте, не дав сделать ничего.

Сонгцэн услышал, что в гэр кто-то зашёл. Он обернулся и увидел Яшви, почувствовав от неё горький запах травяного напитка. Он устало улыбнулся, но затем снова лёг на спину, потому что так было удобнее.

Было трудно дышать. Сонгцэн ещё не успел разобраться, чем для него закончился бой с шакалом. Потому что не хватало энергии, а та, что оставалась, ещё не пришла в равновесие. И было неприятно чувствовать себя беспомощным, когда все неприятные приключения могли только начаться с выходки шакала. Вряд ли он не знал, что Яшви замужем, причём не за лисой.

Яшви Садхир

Яшви была готова к любому исходу, но больше прочего она готовилась увидеть презрение и отвращение во взгляде принца. Она уже не была уверена, что имеет право называть его мужем. И когда он всего лишь улыбнулся, Яшви скорее восприняла это как помутнение его уставшего от такой траты энергии сознания. Завтра все может быть по-другому.

- Выпей это, - она присела на край импровизированного ложа, что устроила здесь эме, потому что все остальные кровати были заняты. Яшви не готова была признаваться, что не ждала прибытия принца сегодня. Она написала ему из Тариата сразу после совета шаманов, что клан отправляется в Дадал, но ответное письмо не успело дойти, если таковое вообще было. Яшви не думала, что Сонгцэну так быстро удастся разобраться с делами. Но было страшно думать, что бы в итоге с ней стало, не приедь о сегодня, и страшно осознавать, что он стал свидетелем безобразной сцены в доме шакала. Яшви хотелось помыться, отскрести с себя это воспоминание вместе с кожей, проснуться наутро новой, только вот ведь так просто от этого не избавишься.

- Это поможет уснуть, - добавила она, протягивая плошку к Сонгцэну, чтобы ему было удобно пить из ее рук. Он двигался скованно, наверняка что-то с ребрами. И та

ссадина на плече от брошенной каменной глыбы...

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на Яшви и все-таки приподнялся, чтобы было удобнее пить тёплый горьковатый напиток. От такого быстрее наступит сон, а там проще восстанавливать силы. Сонгцэн немного отстранился, когда напился достаточно.

- Ты в порядке? - спросил он у Яшви, потому что вспомнил, как её отшвырнул проклятый шакал.

Он не хотел расспрашивать Яшви о том, почему шакал к ней полез, да ещё и заявил, что она согласилась сама. Это было как-то связано с Алтаном, а на мальчишке сегодня и так лица не было. А тот, кто посмел лезть к Яшви, был уже мертв. Сонгцэну было важно понять, что она ни в чем не винила себя. И что не боялась осуждения с его стороны, потому что для него ситуация мало чем отличалась от того дня, когда он приехал свататься. Только шансов на победу у него в тот день было побольше, и после схватки он не лежал без сил.

Яшви Садхир

Яшви собиралась уже встать и покинуть гэр, чтобы оставить Сонгцэна отдыхать, но задержалась, потому что он хотел поговорить. Яшви же, наоборот, снова хотелось сбежать отсюда, уйти как можно дальше, чтобы остаться одной. Потому что так она всегда переживала что-то произошедшее в ее жизни, уходила, забивалась в угол, и старалась просто принять то, что случилось. Яшви отставила плошку на стол возле длинного сундука, на котором сейчас лежал принц, подбирая слова, чтобы ответить.

- Я в порядке, - все же сказала она, и тут нужно было улыбнуться, хотя бы едва-едва, уголками губ, но Яшви этого не сделала. Не нашла в себе сил, не смогла. Если говорить о порядке физическом, то да, конечно, с ней все было хорошо. Колени, как и локоть, заживут, это не страшно. Страшнее было то, что творилось у нее внутри. Она вдруг вспомнила, как пахло в том проулке в Риване, где торговали рабами. Запах пота, немытого мужского тела; Яшви вдруг почувствовала, что ее мутит, и сглотнула. Товар однажды - товар навсегда?

- Тебе нужно отдохнуть, - напомнила она. Она чувствовала, что если не сбежит, то расплатится прямо здесь, при Алтане. При эме. При Сонгцэне. - Все завтра. Спи.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мне страшно за тебя, - сказал Сонгцэн.

Он прикрыл глаза. Яшви не хотела говорить, а он боялся заснуть, оставив вопросы нерешенными. С ней рядом будут эме и Их-Чэрэн, но Сонгцэн все равно беспокоился. Шакалы позволяли себе слишком много, они могли пойти и дальше, а новый хан почему-то это позволял. Будто не был гордой лисой из тех, кого нужно было уговаривать принять помощь из Линь Ян Шо. Этот хан допустил в числе союзников человека, который принуждал к близости угдан одного из племён, и никто не вмешался бы, если бы Сонгцэн приехал позже. Лисы не были в безопасности в таком союзе. Шакалы зубоскалили во время боя, и никто не решался их затыкать.

Они чувствовали себя здесь главными, это не было равным партнерством.

Сонгцэн хотел спать, и от травяного чая эта сонливость была только сильнее, но он старался бороться со сном, чтобы продолжить разговор с Яшви.

Яшви Садхир

Яшви отвела взгляд, благодаря всех известных ей духов за то, что Сонгцэн, наконец, прикрыл глаза. Она надеялась, что сейчас он уснет, и ей не придется ему отвечать, потому что ей нечего было ответить. С самого начала, с самого совета, когда появился вдруг Джагатай, всем было страшно. Никто не говорил об этом вслух, что страх проникал под пологи гэров, селился в сундуках и корзинах, ютился среди одеял и подушек. С тех пор, как они приехали в Дадал, страх становился все только сильнее, и это - не здоровый испуг лисы, которая почувствовала собаку. Это нечто более сильное, пронизывающее, выматывающее. Когда страшно не за себя, а за тех, кого любишь.

- А мне страшно за тебя, - прошептала в ответ Яшви, и это было наивысшим признанием ее привязанности и любви к принцу, что она могла демонстрировать, не будучи с ним наедине. Она моргнула, раз, другой, третий, стараясь уничтожить слезы на глазах еще до того, как они проступят и окажутся на ресницах. Ему не нужно было приезжать, чтобы не ставить еще и свою жизнь под удар. Зная, что он в Покхаре, она была бы спокойна, здесь же теперь каждый шакал желал мести и его смерти. Мелкие коварные игры королевского гарема не шли ни в какое сравнение с теми играми, в которые играли шакалы. Они разменивали чужие жизни так же просто, как торгаши на рынках обменивают мелочь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн нашёл руку Яшви и сжал её в своей руке. Им нужно было поговорить, но лучше наедине. Чтобы не волновалась эме и не цеплять Алтана. Нужно было во многом разобраться, сейчас у лис настали нехорошие времена. А Яшви не согласится уехать в Покхару, чтобы быть в безопасности. Это была её семья, не те, кого совесть позволяла оставить в Риване.

- Принесёшь мне потом воду и полотенце? - попросил Сонгцэн.

Он все ещё был в чужой крови и в пыли прошедшего боя. Если бы он чувствовал себя немного лучше, он не лёг бы в таком виде в чистую постель и не смог бы спокойно заснуть.

Глаза слипались, и теперь сон отгоняло только раздражение из-за того, что нужно было многое сделать и выяснить, на что сейчас не было сил. Шакалы слишком сильно вцепились в лис, здесь не было безопасно. Это было не то гордое племя кочевников, каким Сонгцэн впервые увидел клан Яшви. Как на все это смотрели Алахчит, Оронар, Их-Чэрэн?

Яшви Садхир

Яшви посмотрела на свою руку в руке принца и мягко высвободила ее. Ей казалось, что она вся покрыта грязью и позором, и не хотела касаться Сонгцэна, пока это

ощущение не пропадет. Ее честь была защищена, но Яшви не чувствовала облегчения от того, что шакал мертв. Найдутся другие. И их будет больше, чем Лис, способных ее защитить. Нойон нашел слишком хороший способ ею манипулировать.

- Да, принесу, - ответила она. Говорить о каких-то бытовых вещах было проще, чем думать о произошедшем. О воде, полотенцах и том, что надо попросить Чалууна осмотреть Сонгцэна, пока тот спит. Яшви так и не научилась врачеванию, а лекарь лис стараниями целителей монастыря стал намного лучше разбираться в этой способности. Он мог справиться не только с ссадиной на плече, но и с ребрами, хотя и не мог избавиться от привычки использовать отвары и мази.

Яшви прислушалась. Ей показалось, что ее зовут. Снаружи снова была какая-то шумиха, Яшви только надеялась, что дуэль Сонгцэна и шакала не стала той последней каплей, которая переполнила чашу терпения обоих кланов.

- Мне нужно идти. Алахчит зовет меня, - даже если это было вовсе не так, Яшви было нужно остаться одной. Она должна была подумать. Сонгцэн был ни в чем не виноват, но, как бы Яшви не убеждала себя, что не чувствует виноватой себя, это было не так правдиво на самом деле.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Будь осторожна, - ответил Сонгцэн, когда Яшви высвободила руку.

Ему казалось, что она старалась его избегать. Но он был не в том состоянии, чтобы выяснять отношения. Сонгцэн просто перестал отгонять сон, позволяя напитку из трав и усталости взять верх над ним.

Все тело болело, было неприятно шевелиться и даже дышать, но завтра должно было стать понятнее, что с этим делать. Сонгцэн не ожидал, что его приезд в Монголию окажется именно таким, хотя изменения, происходившие с лисами, беспокоили его и раньше.

Потом. Позволить себе заснуть. Он считал, что заслужил хотя бы этого, если Яшви не собиралась с ним сейчас говорить. И сон великодушно позволил на несколько часов забыть о боли и отогнать тяжелые мысли. Даже сновидения не касались прошедшего дня, они были непривычно безмятежными.
